

Исполнилось 170 лет со дня рождения классика украинской литературы, народного поэта, великого Кобзаря, как его называют, Тараса Григорьевича Шевченко. Популярность Т. Г. Шевченко всегда была так велика, что уже при жизни его в народе складывались о нем и ходили целые легенды, причем в основе большинства из них, несомненно, лежат реальные факты.

Историк и фольклорист Максимович писал Шевченко в Петербург из Михайловской горы: «Не забывайте нас и хоть изредка отзырайтесь к нам сюда, на берега Днепровские, где в окрестностях Михайловской горы вы оставили о себе живейшие и самые сердечные воспоминания. А на правой стороне Днепра вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды, наравне с преданиями старых времен».

Даже в саму смерть Т. Г. Шевченко не хотели верить. Один из современников поэта говорил: «Як ховалы, то я був биля самой могилы; бачив — ховалы труну (гроб) так черною клеенкою покрита, а чи вин був в труни, чи не було, про те не знаю». Немного спустя, подумав, рассказчик решительно заявил: «Та ни, там его не було, вин и доси живый десь ходить».

И действительно, мы тоже можем сказать: великий поэт не умер — он живет и будет жить с нами.

Публикуем воспоминания о Тарасе Шевченко сотрудников журнала «Киевская старина» за 1897 и 1900 годы и журнала «Огонек» 1904 года.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

И СТЕЖЕЧКА, ГДЕ ТЫ ХОДИЛА

В Качановке, Черниговской губернии, писал журнал, поэт «часто и подолгу гостили, в сороковых годах, у тогдашнего владельца Качановки Г. С. Т., с которым был в переписке».

После ссылки Шевченко в первый раз приехал в Качановку в 1859 году, 21 августа, и не застал там хозяина, бывшего владельца Поток. Но в Качановке был его сын, студент, который, возвращаясь однажды из сада, увидел идущих ему на встречу двух человек, одного в длинном парусиновом кобеняке (украинская мужская верхняя одежда, род плаща с капюшоном — В. С.), а за ним старика, знавшего Шевченко до ссылки. Сыну владельца было только семь лет, когда Тарас Григорьевич гостил в Потоках, но он вырос в семье, где почитание поэта было, так сказать, традиционным, а поэтому он увлекся его поэзией, много знал наизусть его стихотворений и питал глубокое уважение к личности поэта.

Неудивительно поэтому, что, когда пошедший в парусиновом кобеняке назвал себя Шевченко, оба бросились друг к другу в объятия. Для Шевченко эта встреча с юношей, которого он когда-то знал ребенком, была не менее радостна; она напомнила ему былое, как и вообще, быть может, самый приезд его в Качановку объясняется потребностью души его после сильных потрясений, при виде знакомых мест оглянуться на пройденный путь и воскресить в памяти те дни, которые относились к иной, более светлой поре его жизни. После обеда Тарас Григорьевич захотел погулять в саду. При выходе из дома он встретил многих служителей дворовых, собравшихся поглядеть Шевченко, так как они помнили его и любили. Тарас Григорьевич приветливо со всеми здоровался, с некоторыми обнимался и вспоминал о прежних своих посещениях Качановки. В продолжение всей прогулки поэт был задумчив и грустен; видно, перед ним проходили картины прошлого. В одном особенно живописном месте, на выступающей к пруду площадке, среди плоскогорья он стал восторгаться видом и восхликал: «Як умру, то тут поховайт меңе». Этим словам, замечает журнал, конечно, нельзя придавать серьезного значения: они были произнесены под впечатлением окружающей чудной природы. В одном месте сын владельца попросил Тараса Григорьевича посадить ему на память молодой дубок (так как это было в августе, то дерево было выкопано для верной посадки с землей). Шевченко, посадив дубок, пожелал: «Дай боже, щоб нам довелось колы небудь посыдить в тиши его гілья».

Вернувшись с прогулки, которая для Тараса Григорьевича была сплошным переживанием минувшего, они оба растянулись перед домом на лугу, и студент стал декламировать поэту его же стихотворения, еще тогда не напечатанные. Тарас Григорьевич многих не помнил и почти за каждого стихом удивленно спрашивал: «Колы це я писав?». И луна взошла, ярко освещая все кругом, а они все еще лежали на полянке, предаваясь поэзии и восторгаясь украинской ночью.

Пришедши в залу, где был накрыт ужин, Тарас Григорьевич попросил дать ему альбом, выразив желание написать что-нибудь на память о своем посещении

Качановки. Альбом был тотчас принесен, и Тарас Григорьевич начертил в нем только две строчки:

И стежечка, де ты ходила,
Колючым терном поросла.
1859 года, 21 августа, Качановка.

ТАМ, ГДЕ ОН ЖИЛ

«4 мая 1899 года я приехал случайно в Форт-Александровск, бывшее укрепление Ново-Петровское, место ссылки Т. Г. Шевченко. Более 40 лет прошло с тех пор, как уехал отсюда Тарас Григорьевич, но место это представляет и доныне такой же безрадостный уголок, каким изобразил его много лет тому назад сам Шевченко.

Расположенное на высокой скале, резко возвышающейся над степью, укрепление имеет вид какого-то горного гнезда. У подошвы скалы развились небольшое русско-армянское поселение, а на самом берегу моря, в 3-х от форта, раскинулась большая рыбачья станица, начало которой современно постройке укрепления. По степи и в лощинах окрестных холмов видны кибитки кочующих киргизов. Кругом ни кустика, ни деревца. Мертвую природу оживляет только запущенный сад, но происхождение сада связано с именем Шевченко, — следовательно, и его не было в то время, когда приехал сюда Тарас Григорьевич.

Мертвая, унылая, безотрадная природа! Постоянный ветер да грозный гул морского прибоя только и говорят вам о жизни природы. Продолжительное пребывание в этом забытом углу может служить большим наказанием, даже не принимая во внимание всех ужасных, стеснительных условий, в которых находился наш поэт.

Из старожилов станицы, современников Шевченко, остались в живых только казак Андрей Михайлович Перепелюков, столетний старец, да супруги Филат Осипович и Александра Степановна Сухоруковы.

Первым долгом я, конечно, навестил этих старцев, пишет автор корреспонденции, но, к сожалению, воспоминания их относительно Шевченко очень смутны...

С разрешения местного воинского начальника я пересмотрел старый заброшенный архив укрепления. Здесь в обрывке описи дел (1847—1852 гг.) значится в 1850 г. под № 122 «Дело о прибытии из г. Уральска политического преступника Шевченко», но ни этого дела, ни вообще дел, специально посвященных Шевченко, не оказалось.

Не найдя дел, касающихся Шевченко, я обратился к постовым ведомостям, с целью выяснить, как нес солдатскую службу Шевченко... В 1852 году Шевченко отбыл 63 караула, наравне со всеми нижними чинами... Мы не раз в постовых ведомостях видим записи, сделанные рукой Шевченко в те дни, когда он был часовым. И немудрено между начальствующими нижними чинами попадались такие, которым письмо давалось с большим трудом, и, конечно, поручить записать ведомость умеющему хорошо писать человеку было для них большим счастьем.

Еще одно замечание. Несколько раз в постовых ведомостях мы видим запись «Тарас Григорьевич», «Тарас Шевченко». Запись часового по имени и отчеству показывает, что такое обращение к Шевченко со стороны нижних чинов было обычно, а, следовательно, «рядовой Шевченко» в 1852 году, будучи еще сравнительно «молодым солдатом», пользовал-

ся уже уважением своих сотоварщиц и даже ближайших начальников. Обращение по имени и отчеству к унтер-офицерам — обычно, но такое обращение к рядовому, да еще со стороны ефрейтора или унтер-офицера (они ведут записи в постовых ведомостях) — редкость большая...

В заключение несколько слов о саде Шевченко. Этот сад является единственным приютом отдохновения обывателей Форта-Александровска от жары и вида безотрадной природы. В саду показывают землянку Шевченко... Перед землянкой, пишет в заключение автор корреспонденции, стоят две толстые старые вербы. Быть может, одна из них есть посаженная Шевченко палька?»

ДО СИХ ПОР СЛЫШУ ГОЛОС

«Путешествуя в этом году по различным губерниям России, я побывал и в своей «Черниговщине», где незабвенный поэт

руках, доглядать, щоб, часом бувае, я не втих. А той — знай соби — ходе по над ямой, та, як дурень, мялом махае. И хоч бы тоби слово з уст выпусты, — неначе воды в рот набрав. Должно быть ему не велено було з мною балакать. А потым того поперлы мене на Кавказ, де я цильх девять рокив вирий и правдой служив...».

«Та видали ж, видали», — смеялся станичный пристав, намекая на портрет Тараса Григорьевича в солдатской шинели, в кандалах и при кавказской обстановке с надписью «Як бачыте», который тут же на стене и висел. Этот портрет Тарас Григорьевич нарисовал и каким-то хитрым путем прислал... с Кавказа как раз в то время, когда от всех почему-то скрывалось, где он и что с ним, и в особенности, что он в солдатах. Тарас Григорьевич на минуту поднял глаза к портрету, и я заметил, как его брови слегка шевельнулись и дрогнули седоватые усы...

Автопортрет.

Тарас Шевченко когда-то имел «щирых» друзей.

Родные берега красавицы Десны и живописно-уютный древний Новгород-Северск стоят в той же неприкосновенной и археической красоте, в какой знал их еще в пору детства.

В Шостке, первой железнодорожной станции от Пироговки по направлению к Конотопу, мне удалось в одной семье встретить популярную в губернии личность, Григория Лаврентьевича Шевченко, родственника поэта.

Седой, с подстриженной бородкой, с карими приветливыми глазами, симпатичный старик охотно вступил со мной в разговор. И даже попозировал мне: я сделал с него карандашный набросок.

— Говорят, вы родственник Тараса Григорьевича?

— А я же; его батько и мой дед были двоюродными братьями.

— Вы его видели?

— Тараса Григорьевича? Бачив. Мне тогда было лет двадцать с чем-то. У Забеллы это случилось, в хуторе Сороке, около Борзы.

По лицу старика пробежала улыбка, чуть заметно вздрогнули седые подстриженные усы. Я заливался им: каким симпатичным, хорошим дяди!

— Помню, как он приехал из Борзы на лощадях Забеллы, — говорил старик с оживлением. — В армяке, в баражковой шапке. Не могу только вспомнить, когда это было, весной или осенью. Холодновато было и грязно. У Забеллы тогда были гости: помещик Кандыба, шаповаловский священник и оттуда же становой пристав Безухий. Позвал меня Забелла в свою компанию и подвел к Тарасу Григорьевичу: «Дывись, твой дядько вернулся. Бач — який». А ему сказал: «Це Лаврентьев сын, тоби племянник». Тарас Григорьевич меня поцеловал и, узнав, что я уже женат, шутейно ругнул, потом стал расспрашивать о родичах. За столом Тарас Григорьевич рассказывал, как он был в ссылке. «Перш посады мене у якусу яму, хай бы вона була згинула! И над ней поставили черного, як сатана в пекли, сторожа з горбатим носом и з малом в

Так врезался в память, что живым стоит перед моими глазами и теперь. И голос его до сих пор слышу...».

ТАКИХ ПОЭТОВ НЕ ЗАБЫВАЮТ

● Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик казака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроногенная, почти лысая; высокий, морщинистый лоб, широкий, так называемый «утиный» нос, густые усы, закрывающие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласкливое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, добродушной улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка стеничная, фигура мешковатая и мало изящная. Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чубке с воротником из черных мерлушек, Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие.

Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба тяготела над этим человеком: талант его привлекал нас своим оригинальностью и силой... Самолюбие в Шевченко было очень сильное и очень наивное в то же время: без этого самолюбия, без веры в свое призвание он неизбежно погиб бы в своем закаспийском изгнании... При всем самолюбии в нем была неподдельная скромность. Однажды на мой вопрос: «Какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку?» — он с живостью отвечал: «Марко Вовчак! Он один владеет нашей речью!».

Вообще у него была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломленная судьбою, простолюдин, поэт и патриот.

Иван ТУРГЕНЕВ.

● Он — поэт совершенно народный... Шевченко... весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслю, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан.

Николай ДОБРОЛЮБОВ.

● Он был крестьянский сын и стал князем в царстве духа. Он был крепостным и стал великой силой в громаде людских культур.

Иван ФРАНКО.

● Такие поэты, как Шевченко, никогда не забываются народом. (Из редакционной статьи по поводу смерти Шевченко, опубликованной в журнале «Время», который издавал Федор ДОСТОЕВСКИЙ).

● Значение Шевченко известно всяко му, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному... Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко... У малороссийского народа, слова Богу, есть теперь своя литература, есть своя ораторы, свои историки, но теперь нет у нее такого лирика, каков бы покойный Тарас Григорьевич Шевченко, справедливо названный в одной из сказанных над его гробом речей «батьком ридного слова».

Николай ЛЕСКОВ.

Публикацию подготовил Владимир СУРМИЛО.